

- философии; И.А. Герасимова, М.Р. Бургете Аяла, Л.П. Киященко, В.М. Розин. – М.: ИФ РАН, 2019. – 252 с.
2. Смолин В.С. Перспективы человека в эпоху технологической сингулярности. – Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 57. – № 2. – С. 192–207.
  3. Боброва Л.А. Компьютер, интернет и мышление: изменение мышления под влиянием современных технологий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная лит-ра. – Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. – 2019. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuter-internet-i-myshlenie-izmenenie-myshleniya-pod-vliyaniem-sovremennyh-tehnologiy> (дата обращения: 23.03.2020)
  4. Плоцкая О. А., Иванова Ж. Б. Использование информационно-коммуникационных технологий в процессе познания источников права// Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты: материалы международной научно-практической конференции 15–16 января 2012 года. – Пенза – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – С. 105–113
  5. Кривопалова И.В. Современные технологии информатизации образования // Вестник ТГУ. – 2018. – Т.15. – вып. 6. –С. 1963–1965
  6. Колченко Л.В. Особенности внедрения информационно-коммуникационных технологий в учебно-воспитательный процесс школы // Мир науки, культуры, образования. – № 4 (16) – 2009. – С. 109–111.
  7. Герасимова И.А. Неопределенность в познании и в социальных практиках. – Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56. – № 4. – С. 8–20
  8. Tegmark M. Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence. New York: Alfred Knopf Publ., 2017. 364 p. Тегмарк М. Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта / Пер. с англ. Д. Баяока. М.: АСТ: CORPUS, 2019. 560 с. ISBN 978–5–17–983126–6.

## **ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА ФИЛОСОФИИ: ОТ ЛОГОСА К КОММУНИКАЦИИ**

**Сомова О.А.**

*Аспирант 1-го года обучения  
Философского факультета СГУ им. Н.Г.Чернышевского  
(Саратов, Россия)*

УДК 1(091)

*В статье рассматривается взаимосвязанное изменения языка философии и картины мира. Эта взаимосвязь выстраивается на понимании Природы, характерном для каждой отдельно взятой эпохи: античность, Просвещение и романтизм, XX век и сегодняшний день. Автором статьи прослеживается постепенная редукция греческого Логоса к коммуникации с одной стороны, и к дискурсу в с другой.*

*Ключевые слова: природа, слово, рациональность, сознание,*

## **UNDERSTANDING THE LANGUAGE OF PHILOSOPHY: FROM THE LOGOS TO COMMUNICATION**

**Somova O.A.**

*1st year postgraduate student  
Faculty of Philosophy SSU  
(Saratov, Russia)*

*The article discusses the interconnected changes in the language of philosophy and the world-picture. This relationship is built on the understanding of Nature, characteristic of each individual era: antiquity, Enlightenment and romanticism, the twentieth century and today. The author of the*

*article traces the gradual reduction of the Greek Logos to communication on the one hand, and to a discourse on the other.*

*Keywords: nature, word, rationality, consciousness*

*Человек осуществляется, история свершается не столько внутри природного окружения, сколько в среде языка, взятого не в частной лексике и грамматике а в его сути... это среда в которой сбывается историческое бытие*

*В.Бибихин, «Язык философии».*

Философская мысль всегда была внимательна к слову, поскольку философия – дело предельного напряжения разума в решении последних вопросов о человеке; дело, в котором язык есть тело мысли [1, с. 320]. По мере заключения философии в институциональные рамки, по мере сужения фокуса изучения с Космоса до человека, менялись и требования к языку философии. С целостностью мира страдал и язык, с ростом авторитета естественно-научного знания ценность поэтики философского текста уступала требованию непоколебимой достоверности. Эти изменения не оставались незамеченными самими философами: каждый шаг европейской рационализации сопровождался своими апологетами «живого языка» философии, выступавшего против отрыва слова от существа жизни.

И дело здесь не в усложняющемся терминологическом аппарате ученых. Напротив, слово было призвано выражать наиболее фундаментальные законы жизни, в отличие от продолжающей специализации наук. Отсюда такое доверие к поэтам у Аристотеля, по широте своего взгляда стоявших, по его мнению, выше историков [2, с. 32, 5165]; доверие, которое в последствии воспримут немецкие романтики, герменевтика, а затем М. Хайдеггер и ряд других крупных философов. Представляется, что философию мы можем вообще назвать доверием, к слову, однако это доверие к живости речи – речи, в сущности, способной высказывать бытие – было не одинаково, несмотря на преемственность идей.

Известен внимательный интерес к речи античных мыслителей, уделявших большое внимание ораторскому искусству: Аристотель обращается к теме ясности языка в трудах «Риторика», «Тописка», Исократ посвящает циклы речей слову, самая известная из которых «Панегирик», Платон рассуждает об этом в своих многочисленных диалогах. Простота (ясность и выразительность) речи понималась в качестве «второй природы», с необходимостью, воспитываемой любым образованным греком. «Вторая природа», воплощенная в речах, находила свое отражение в «космосе логоса» [3, р. 29], целокупности существенности значения, гармонии и красоты слова. Таким образом, полнота мира, мудрость и правильная красивая речь находились в неразрывном единстве.

Европейское Просвещение, нашедшее свое вдохновение в культуре римской империи и форсировавшее наукообразие философии, в качестве своего эпифеномена столкнулось с возрождением и греческого канона в лице романтизма, в частности немецкого, во всей широте его гения. Показательна в этом случае полемика И. Гамана с И. Кантом, которую блестяще описывает Гегель [4, с. 618–622]. Гаман критикует Канта за бессмысленность и ошалелость языка, за «страсть к магической игре теней» и «галиматье пустых словесных конструкций» [4, с. 619]. В то же время, сам философ, полагая за словом силу чувственного познания, в конечном счете оказывается чужд систематичности мышления, предпочитая ей вдохновенный мистицизм. И эта характеристика справедливо относится ко всему немецкому романтизму вообще: на смену Логосу приходит дикое слово, естественное, почти деревенское (у Ж.-Ж. Руссо), расходящееся в своем существе с холодным научным рассудком. За природой отныне закреплена интуиция и предчувствие с одной стороны, и человекоразмерная познаваемость, рассудочность и закономерность с другой.

Впоследствии это расхождение закрепится в виде деятельности позитивистов, до сегодняшнего дня практически экспроприировавших слово наукой, тогда как природа лишится голоса, мерцающая в виде либидозных интенций Фрейда и подавленных культурой желаний в трудах представителей Франкфуртской школы. Примечательна здесь

феноменология (и Гуссерлевского, и Хайдеггеровского типа), в которой природа помещена в сознание, а в случае с Э. Гуссерлем – им же и ограничена.

Сегодня мы в праве констатировать новый всплеск внимания к природе, принявшей облик биологического дискурса в целом ряде концепций и даже онтологий (теория коммуникации Н. Лумана, темная онтология Л. Брайанта, «Динамика слизи» Б. Вударда). К биологии апеллирует и Г. Харман, рассуждая о своем объекте [5, с. 33, 57]. И здесь примечательна именно биологичность обращения: античный Логос редуцирован к физическим, химическим etc. законам, существо материи запечатлено мощнейшими микроскопами. Природа если не познана до конца, то полагается познаваемой, а язык формул представляется единственно *верным* для нее.

Научная прагматика языка философии, ориентированная на трансдисциплинарное переоткрытие, пытается говорить о настоящем новыми, привнесенными из биологии, физики, экономики словами, полагая, что старые слова более не пригодны (и это не элиминирует неосвоенность уже существующих слов, скорее, даже ее объясняет). Укоренившееся требование к научности речи своей целью преследует унификацию языка, за что ратует П. Бурдьё [6, с. 534], полагая, что это сконструированное единство способно решить старые проблемы, как если бы решение зависело только от консенсуса большинства дискутирующих.

Слово некогда установило границы справедливого и несправедливого, прекрасного и постыдного [7, с. 34], и теперь облечено в термин коммуникации и понимается в виде средства общения [8, с. 151]. Слово теперь под властью дискурса и самостоятельно ровно настолько, насколько освоена природа, и, как доказывает опыт формальной философии и онтологии (sic!), может вообще обходиться без соотнесения с реальными референтами. Это язык схолы, в котором едва ли преуспел бы М.Хайдеггер [9], преподносится в качестве пригодного для философской речи. Он самореферентен, и говорит о сущем как сущее (подобно гегелевской математике), не выходя за пределы контекста употребления, формулируемого в настоящем.

### Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т.: т.1. Наука логики. – М., Институт философии АН СССР, Мысль, 1974. – 452 с.
2. Аристотель Поэтика; Риторика; О душе. – М.: Мир книги, Литература, 2007. – 400 с.
3. Wardy R. The birth of rhetoric Gorgias, Plato and their successors. NY, The Taylor & Francis e-Library, 2005. 200 p.
4. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет, в 2 т.: т.2. – М.: Институт философии АН СССР, Мысль, 1971. – 630 с.
5. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 152 с.
6. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.
7. Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. – М.: Ладомир, 2013. – 1072 с.
8. Бибахин В.В. Мир. Язык философии. – СПб: Азбука, Азбука-Аттиус, 2016. – 448 с.
9. Strasser P. Heidegger hätte heute keine Chance mehr auf eine Universitätskarriere – über die Fabrikation des Geistes in den Geisteswissenschaften / Neue zurche zeitung. URL: <https://goo.su/Oxbv> .

## ФИЛОСОФИЯ И МАТЕМАТИКА: ДИАЛЕКТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАМАТЕМАТИКИ В ЕЕ РАЗВИТИИ.

**Титов А. В.**

*Кандидат технических наук, доцент*

*Российский университет транспорта,*

*Московский государственный технический университет им.Н.Э.Баумана*

*(Москва, Россия)*

УДК 165.23